

Субстантивная философия истории

В.В. ЦАЦАРИН

В статье анализируются основные положения субстантивной философии истории, критика подобных представлений американским философом А. Данто. Показывается несостоятельность философско-исторических построений субстантивного толка, то есть притязаний философов истории на построение теорий, проецируемых в будущее.

Ключевые слова: исторические знания, историческое значение, исторические сочинения, исторические теории, философия истории.

The article analyzes the main issues of the substantive philosophy of history, the criticism of similar ideas of American philosopher A. Danto. It shows the failure of philosophical and historical constructions of a substantive sense, i.e. the claims of the philosophers of history about the construction of theories projected into the future.

Keywords: historical knowledge, historical value, historical compositions, historical theories, philosophy of history.

Американский философ Артур Данто (родился в 1924 году) подразделяет философию истории на субстантивную и аналитическую. Себя он относит к аналитической философии истории, противопоставляя такой способ рассмотрения истории так называемой субстантивной философии истории, которая, по мнению Данто, столь же мало относится к философии, как и сама история. Философ-субстантивист, как и историк, занимается описанием того, что произошло в прошлом. К тому же, он стремится также дать описание будущего, как будто оно уже произошло, что Данто явно не приемлет [1, с. 20–24]. Аналитическая философия истории не просто связана с философией, она и есть философия, но философия, применяемая для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии истории [1, с. 11]. Основные положения аналитической философии истории Данто рассмотрены нами ранее [2], целью же данной статьи является рассмотрение критики Данто субстантивной философии истории, её анализ, выявление достоинств и недостатков.

В отличие от обычных исторических сочинений, субстантивная философия истории стремится дать описание *всей* истории. Такая характеристика, однако, сразу сталкивается с некоторыми трудностями. Даже если объединить все исторические сочинения и дополнить их сведениями, восполняющими все пробелы, всю историю этим не изложить. В лучшем случае мы получим изложение всего *прошлого*. Данто отличает целостность истории от целостности прошлого. Считается, что историк заинтересован в тщательном изучении и описании конкретных событий прошлого. Однако в истории каждого конкретного народа (территории), а следовательно, в истории человечества в целом имеется множество пробелов. Данто вводит воображаемую идеальную хронику всего прошлого, в которой зафиксированы все события, случившиеся в истории человечества [1, с. 12]. И все-таки это была бы еще не вся история, которая интересует философа-субстантивиста. Идеально полное изложение всего прошлого предоставило бы, в лучшем случае, лишь *данные* для субстантивной философии всей истории, на основе которых субстантивная философия истории пыталась бы строить свои теории. Данто выделяет два вида таких теорий – *описательные* и *объяснительные*.

Под описательной он понимает теорию, которая стремится выявить некоторую структуру в череде событий прошлого и экстраполировать эту структуру в будущее, делая вывод о том, что будущие события либо повторяют, либо дополняют структуру, выявленную в событиях прошлого. Объяснительная теория пытается дать истолкование этой структуры в терминах причинности [1, с. 12]. По Данто, объяснительная теория является философией истории лишь в той мере, в которой она связана с описательной теорией. Философией истории

является, например, марксизм, включающий в себя обе теории – описательную и объяснительную. С точки зрения его описательной теории, основным является конфликт между классами, причем любой данный класс создает своего антагониста как условие собственного существования и ниспровергается им: «вся прежняя история... была историей борьбы классов» [3, с. 208]. И история носит диалектический характер. Эта структура будет существовать до тех пор, пока действуют определенные причины, и попытка отождествить эти причины с различными экономическими факторами образует объяснительную теорию марксизма. Маркс предсказывал, что эта структура прекратит свое существование в будущем вследствие того, что причины, благодаря действию которых она существует, прекратят свое действие.

Данто предлагает аналогию с астрономией: есть астрономические наблюдения и теоретическая астрономия, строящаяся на этих наблюдениях. Так, Тихо Браге произвёл множество наблюдений за планетами, Кеплер вывел нечто, напоминающее описательную теорию, а Ньютон – объяснительную теорию. Философы истории иногда видят свою задачу именно в этом последнем, то есть претендуют на создание некой «теоретической» истории, которая за многообразием исторических фактов и событий отыскивает и формулирует исторические законы, основанные на обобщении эмпирического исторического материала. На долю «традиционной» истории остаётся сбор и первичная систематизация такого материала. Если следовать классической схеме развития науки, то в ней выделяют три уровня: сбор фактов, их описание и объяснение. Тогда субстантивную философию истории можно было бы представить как этап исследования, поднимающий историю на последние два уровня научного познания. Продолжая аналогию с астрономией, Данто отмечает, что законы Кеплера хотя и опирались на данные, собранные Тихо де Браге, однако были чем-то гораздо большим, предоставляя астрономам возможность не только систематизировать положения планет, наблюдавшиеся Тихо, но и предсказывать их *будущие* положения, причем даже тех планет, которые еще не были известны во времена Кеплера. Законы Ньютона объясняли не только те факты, которые были известны Тихо и Кеплеру, но (потенциально) и громадное число фактов, о которых они не знали. Точно так же можно было бы сказать, что по-настоящему успешная *историческая* теория далеко превосходит данные, собранные историей, и не только приводит их в некоторую систему, но также предсказывает и объясняет даже события будущей истории [1, с. 14].

По Данто, такая трактовка чрезмерно принижает саму историю. Если концепции философии истории не имеют атрибутов научности (даже наиболее влиятельные из концепций объяснительной философии истории обладают чрезвычайно низкой степенью проверяемости), то обычные исторические исследования выглядят вполне удовлетворительными в своем собственном жанре, соответствуют критериям этого жанра и выполняют свои задачи. Да и жанр исторических исследований весьма отличен от жанра астрономических наблюдений. Работы историков отличаются от наблюдений астрономов. Данто в самой истории, «внутри» неё находит сходный вид деятельности, с которым история как целое соотносится в рассматриваемом отношении. Это те процедуры, в которых историк пользуется специальными приёмами для установления подлинности документов и предметов культуры, при датировке событий, при идентификации отдельных личностей или при решении таких вопросов, как, например, вопрос о том, действительно ли сэр Уолтер Рэли был атеистом. Такого рода процедуры действительно полезно рассматривать как процедуры наблюдения, приводящие к установлению предположительно истинных единичных предложений типа: «Сэр Уолтер Рэли не был атеистом» [1, с. 15]. Однако деятельность историка не сводится только к этому. Историк не просто отыскивает факты, анализирует их подлинность, датирует события, но и соединяет известные факты в последовательные структуры, и такое упорядочение фактов имеет почти столь же много общего с научными теориями, как и концепции философии истории. Обладают они и некоторой предсказательной силой, правда, предсказания эти касаются не будущего, а прошлого. Определённое понимание того, что произошло в прошлом, основанное на свидетельствах, даёт возможность предсказать некоторый дополнительный факт – факт, о котором прежде не знали, и независимое исследование может подтвердить это предсказание. То обстоятельство, что предсказанный факт имел место в прошлом, не отменяет самого факта предсказания. Если оно правильно, то мы, осуществив историческое ис-

следование, впоследствии установим предсказанный факт. Это весьма похоже на предсказание того, что мы увидим на небе, если осуществим определенные наблюдения. Так, обнаружив при раскопках Гомеля следы большого пожара, выяснив, что территория города после него значительно сократилась, а сам город пришёл в явное запустение, и найдя в данном культурном слое вещи середины XII века, археологи предсказали, что Гомель был захвачен и сожжён во время монголо-татарского нашествия, хотя факт этот дошедшие до нас летописи не зафиксировали. Различие между наблюдением и теорией, таким образом, в истории совершенно аналогично этому отношению в науке.

По Данто, неверно рассматривать сочинения историков просто как материал для будущих концепций философии истории. К примеру, один историк очень добросовестно занимается установлением некоторого факта прошлого. Затем другой историк использует этот факт, создавая определённое описание какого-то фрагмента прошлого. В глазах его коллег это описание может быть удовлетворительным или неудовлетворительным. Если данное изложение неудовлетворительно, может быть предложено другое изложение, точно такого же вида, что и первое, но удовлетворяющее тем критериям, с точки зрения которых было отвергнуто это первое изложение. Такие изложения являются завершёнными – в том смысле, что любое их улучшение продолжает оставаться в рамках истории. Иными словами, эти описания не являются подготовительными материалами для какого-то другого вида деятельности [1, с. 16].

В таком случае различие между историей и философией истории не может состоять в том, что последняя, в отличие от первой, создает описания, опирающиеся на исторический материал. Такие описания создаются как самой историей, так и философией истории. Поэтому, чтобы выходить за рамки истории и представлять собой нечто иное по сравнению с историей, описание, создаваемое философом истории, должно быть совершенно иным по характеру. Но, отмечает Данто, концепции философии истории отнюдь не похожи на научные теории. Если они и похожи на что-нибудь, то лишь на обычные исторические описания, в которые они вносят некоторые утверждения о будущем, что обычно не характерно для истории.

Это последнее сходство заключается не только в том, что подобно историческим описаниям концепции философии истории часто имеют структуру повествования. Оно проявляется также в том, что концепции философии истории обычно стремятся к определенной интерпретации событий прошлого, что часто встречается в самой истории, но очень нетипично для науки. По мнению Данто, концепции философии истории используют понятие интерпретации совершенно не свойственным для науки образом – как определенное понятие «значения». По Данто, когда мы говорим, что события обладают определенным «значением», мы имеем в виду некоторую более широкую временную структуру, компонентами которой они являются. Он сравнивает такое употребление с критикой литературного произведения. Когда говорят, что тот или иной его эпизод не имел значения, «был несущественным», имеют в виду, что он не повлиял на дальнейшее действие, был излишним и, следовательно, эстетически неоправданным. Однако такое суждение относительно конкретного эпизода можно высказать лишь тогда, когда познакомились со всем романом или пьесой [1, с. 16–17]. Критика эпизода пьесы возможна лишь ретроспективно, после ознакомления с произведением в целом. В этом смысле понятие значения используется также и в истории. И вот теперь, когда Великая французская революция давно завершилась, мы можем сказать, каково было значение её того или иного события – значение, относительно которого могли сильно заблуждаться даже сами участники этого события. В этом смысле мы можем считать, что философы истории пытаются понять значение событий в контексте исторического целого, напоминающего художественную целостность, однако в этом случае мы имеем дело с целостностью истории, охватывающей прошлое, настоящее и будущее. Но философ истории не обладает знанием всей истории. В лучшем случае он знаком с её фрагментом – всем прошлым. Однако он рассуждает в терминах всей истории и, опираясь только на известный ему её фрагмент, пытается, с одной стороны, открыть структуру всей исторической целостности, которую он экстраполирует в будущее, а с другой стороны, в свете этой целостной структуры установить значение событий прошлого [1, с. 18].

Данто, вслед за профессором Левитом, на построения которого ссылается, относит такой способ рассмотрения истории к теологическому истолкованию истории, которое рассматривает историю *in toto*, как осуществление некоего божественного замысла. Взгляды Маркса и Энгельса, по сути, не отличаются от данного рассмотрения, только роль Бога у них занимают некие исторические законы.

Субстантивная философия истории, по Данто, связана с *пророчеством*. Пророчество есть утверждение о будущем определенного *рода*, которое говорит о будущем так, как можно говорить только о прошлом, или говорит о настоящем с точки зрения будущего, рассматриваемого как уже свершившееся. Пророк истолковывает настоящее так, как это мог бы сделать будущий историк, для которого настоящие события стали уже прошлым и который может понять их значение. Поэтому Данто также называет такие пророчества *историческими* утверждениями о будущем [1, с. 18]. Схожее разделение встречается у Карла Поппера. Он также разделяет высказывания о будущем на научные предсказания и пророчества исторического толка. И если первые имеют под собой основания, следовательно, могут высказываться, то пророчества Поппер оценивает только негативно. В качестве примера он приводит построения Гегеля и Маркса. Несмотря на отличия в конкретном содержании, Поппер объединяет их взгляды на историю развития человечества, так как оба мыслителя экстраполировали свои воззрения в будущее (будь то осознание свободы у немцев, по Гегелю, или развитие производительных сил и переход к коммунистической формации, по Марксу). Такого рода построения Поппер считал недопустимыми, так как они не поддаются никакой проверке (принцип верификации) и даже являются в принципе непроверяемыми (принцип фальсификации, введённый Поппером). Такие ненаучные концепции ничем не отличаются, по Попперу, от религиозных представлений [4].

Данто отмечает, что концепции субстантивной философии истории неоправданно пользуются тем же понятием «значение», которое оправданно употребляется в обычных работах историков. Нам может быть, например, известно, что совершённое индивидом *B* в значительной степени было обусловлено влиянием на него деяний индивида *A*. С точки зрения историка, спрашивать о значении деяний *A* – значит ожидать приблизительно такого ответа: это значение состоит в том, что они повлияли на деяния *B*. Ясно, что этот смысл понятия значения не является исчерпывающим: поэзия имеет значение только в том случае, если это по существу своему великая поэзия. И, по-видимому, можно доказать, что если бы мы не употребляли термин «значимый» в некотором ином, внеисторическом, смысле, мы вообще не могли бы употреблять его в историческом смысле. Скажем, мы считаем деяния *B* великим свершением, имеющим большое значение; и вследствие этого эпизод в биографии *B*, когда он впервые познакомился с деянием *A*, мы склонны считать *исполненным* значения, поистине судьбоносным. Конечно, современники не видели этого значения, ибо великие деяния *B* еще не были совершены. В отличие от нас у них не было информации, которая появилась только после этого знакомства. *Впоследствии* биограф может выделить этот эпизод как наиболее важное событие в жизни *B*. Современники же могли этого не заметить и не считать его заслуживающим упоминания [1, с. 19]. Общую особенность исторического упорядочения событий Данто видит в том, что события постоянно переписываются, а их значение переоценивается в свете более поздней информации. И благодаря обладанию этой информацией историк может сказать нечто такое, чего не смогли бы сказать очевидцы и современники событий.

Спрашивать о значении некоего события в *историческом* смысле этого термина – значит ставить вопрос, на который можно ответить только в контексте завершённого *рассказа* [story]. Одно и то же событие будет приобретать различные значения в соответствии с тем рассказом, в который оно включается, или, иными словами, в соответствии с разными множествами более поздних событий, с которыми его можно связать. Рассказ образует тот естественный контекст, в котором события приобретают историческое значение. Рассказывать историю – значит исключать *какие-то* события, т. е. неявно обращаться к критериям отбора событий для *этого* рассказа. Столь же очевидно, что рассказ, в котором в качестве существенного элемента фигурирует событие *E*, мы можем поведать только в том случае, если знаем, какие более поздние события связаны с *E*, поэтому – в определенном смысле – мы

можем рассказывать только *истинные* истории относительно *прошлого* [1, с. 20]. В этом смысле взгляды Данто перекликаются с воззрениями на историю его современника, американского философа Хейдена Уайта, который считает, что на историка при написании им той или иной работы влияют ненаучные моменты – тип построения сюжета, тип формального доказательства и тип идеологического подтекста. Выбор этих средств зависит от пристрастий историка, а не продиктован теми историческими событиями, которые историк исследует [5]. Наше рассмотрение как концепции Уайта, так и применения его построений к анализу белорусской историографии [6]–[7] поставило под некоторые сомнения этот радикальный тезис, тем не менее, ненаучный (в строгом значении термина «наука») компонент в деятельности историка присутствует. Тем более важным моментом является то, что и Данто отмечает некоторую схожесть деятельности историка и, например, писателя, хотя в целом Данто, в отличие от Уайта, стоит на позициях абсолютной научности истории.

Философы истории пытаются описать будущие события так, как будто они уже произошли. Они хотят настоящее и прошлое увидеть в перспективе будущего (причем завершённого будущего, ибо у всякого рассказа должен быть конец). Существуют исторические высказывания и описания, истинные и понятные для исторических произведений, но странные и непонятные для современников описываемых событий. Историк может написать: «Автор “Племянника Рамо” родился в 1715 г.». Но было бы весьма странно, если бы кто-то в 1715 г. произнес: «Автор “Племянника Рамо” только что родился». И еще более странно было бы, если бы кто-то, скажем, в 1700 г. произнёс эту фразу в будущем времени. Тем не менее, именно такое описание событий, существенно опирающееся на более поздние события – будущие события по отношению к тому времени, когда даётся описание, – пытается представить субстантивная философия истории. Фактически она стремится написать историю событий *до того*, как они произошли, и дать изложение прошлого, опираясь на понимание будущего [1, с. 20–21].

Именно это в субстантивной философии истории Данто не приемлет. Говорить о значении некоторого события – значит принимать какой-то контекст, в котором это событие значимо. Это – «знание в истории», и вполне правомерно, по Данто, заниматься поисками такого знания. Контекст, в котором рассматриваемое событие занимает важное место, обычно представляет собой некоторое ограниченное множество событий, образующих определенную целостность, частью которой является наше событие. Существуют более или менее широкие контексты, но история в целом представляет собой наиболее широкий из таких контекстов, и говорить о значении всей истории – значит лишать себя той контекстуальной структуры, в рамках которой такое обсуждение только и имеет смысл. Для истории в целом не существует более широкого контекста, чем она сама. Хотя это чрезвычайно важное обстоятельство, оно, по существу, не затрагивает субстантивную философию истории. Во-первых, философ может сказать, что история в целом получает своё значение из некоторого совершенно внеисторического контекста, например из некоторого Божественного замысла, а Бог находится вне истории и вне времени. Во-вторых, он может указать на то, что приписывание исторического значения само зависит от приписывания некоего иного, внеисторического значения, например, деяния *A* исторически значимы как повлиявшие на *B*, ибо деяния *B* мы рассматриваем как важные в некотором совершенно ином смысле. Затем философ может согласиться с тем, что нельзя говорить об историческом значении истории в целом, однако историческое значение никоим образом не является единственным видом значения. Наконец, он может указать на то, что под «историей в целом» он не обязан понимать все события, которые произошли или произойдут. Далекое не все оказывается частью истории в целом, и история в целом не является самым широким из возможных контекстов. Всё, что происходило в Сибири, например, Гегель не считал частью истории [8]. Он не отрицал того факта, что в Сибири происходили какие-то события, однако, с его точки зрения, эти события не имели никакого значения для главного развития событий, историю которого он стремился представить. Говоря о значении истории в целом, он усматривал его в том, что история – это поступательное движение к самосознанию Абсолютного Духа. Всё, происходившее в истории, имело значение применительно к этому развитию или было лишено значения. Однако ошиб-

ка философов истории, по мнению Данто, не сводится просто к смешению двух разных смыслов понятия значения. Если бы вещи были важны только с точки зрения истории, то бессмысленно было бы говорить о чём-либо (скажем, о неаполитанской живописи XVIII столетия), что оно представляет *только* исторический интерес.

Субстантивная философия истории по сути своей ошибочна и опирается на фундаментальную ошибку. Ошибочно предполагать, что мы способны написать историю событий еще до того, как они совершились. Эту ошибку можно представить таким образом: философы пытаются дать неподходящее по времени описание событий, описать события так, как их нельзя описывать в данный момент. Мы пишем историю событий лишь после того, как события произошли.

Учёные делают точные предсказания относительно будущего, да и все мы на это способны в повседневной жизни. Однако тот *вид* высказываний о будущем, которые делает философ истории или которых требует от него его деятельность, отличен от выше названных. Такие утверждения о прошлом и настоящем логически связаны с утверждениями о будущем, и если последние неправомерны, первые не являются надёжными. Историк описывает некоторые прошлые события, ссылаясь на другие события, которые для первых событий находятся в будущем, но для самого историка являются прошлым. Философ же истории описывает прошлые события, ссылаясь на другие события, которые находятся в будущем и для описываемых событий, и для самого философа. Данто это отвергает. Присущий истории способ упорядочения событий не допускает экстраполяции в будущее, и структуры, в соответствии с которыми осуществляется такое упорядочение, в этом смысле не являются научными теориями. Отчасти это обусловлено тем, что историческое значение связано с внеисторическим значением, а это последнее изменяется вместе с интересами людей. Рассказы, повествуемые историками, связаны не только с периодом, к которому они относятся, но и внеисторическими интересами историков как представителей человеческого рода. В историческом описании всегда присутствует неустраняемая конвенциональность и произвольность, поэтому чрезвычайно трудно говорить о единственном рассказе, повествующем об истории в целом или о любом множестве событий.

Литература

1. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М., 2002. – 289 с.
2. Цацарин, В.В. Проблема верификации исторического знания и аналитическая философия истории Артура Данте / В.В. Цацарин // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. Вып. 5 (10) / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2008. – С. 360–367.
3. Маркс, К. Развитие социализма от утопии к науке / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полное собрание сочинений. – Т. 19.
4. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. – М., 1993. – 186 с.
5. Уайт, Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 527 с.
6. Цацарин, В.В. Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н.И. Ермоловича) / В.В. Цацарин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6(63). – С. 53–62.
7. Цацарин, В.В. Историография А.К. Кравцевича в свете поэтологической философии истории Х. Уайта / В.В. Цацарин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5(68). – С. 211–216.
8. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб., 1993. – 479 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ имени Ф. Скорины